
УРОКИ ИСТОРИИ

ЛЕВ КАМЕНЕВ И СУДЬБЫ ПРАВОГО БОЛЬШЕВИЗМА В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Историческое эссе

*Чураков Дмитрий Олегович -
д.и.н., проф. МПГУ.*

Прежде отечественные историки (и представлявшие традицию русского зарубежья, и советские) рисовали партию большевиков как некий «ленинский монолит». Времена таких упрощённых оценок прошли. Но современных научных представлений о большевистской партии и большевизме как идейном течении всё ещё не сложилось в силу сложности предмета изучения. Чтобы яснее представить себе его природу, требуется более внимательно изучить те идейные и организационные течения, которые в своей совокупности и породили ту историческую силу, которая в Октябре 1917 года смогла перевести стрелки российской и мировой истории далеко вперёд. Понятно, что поставленная нами задача рассчитана на долгие годы, её выполнить возможно лишь коллективными усилиями. Сегодня же речь у нас пойдёт лишь об одном из существовавших в большевизме течений, а именно о правом большевизме. Некоторые проблемы, связанные с его развитием и местом в большевистской партии мы постараемся разобрать на примере крупнейшего его представителя — Льва Борисовича Каменева.

После появления в нашей стране ровно два десятилетия интересной во всех отношениях книги американского советолога левой ориентации С. Козна, в умах многих российских авторов утвердилось мнение, что центральной фигурой правого большевизма являлся Н.И. Бухарин. Но это вряд ли справедливо. Во-первых, «поправление» Бухарина случилось лишь после перехода к нэпу, а правый большевизм к тому времени уже имел свою продолжительную историю, сам же Бухарин к тому времени немало потрудился на поприще развития левого большевизма. Во-вторых, если быть откровенным, то Бухарина сложно отнести к сомну самостоятельных теоретиков. Странно, что многие, пожалуй даже большинство авторов, не видят в словах В.И. Ленина о Бухарине, как о главном идеологе партии даже не скрытой, а прямо таки выпирающей наружу иронии. Очень хорошо о «теоретических способностях Бухарина написал в своей автобиографии Л.Д. Троцкий:

“Свойство этого человека таково, что он всегда должен опираться на кого-либо. В такие периоды Бухарин является просто медиумом, через которого говорит и действует кто-то другой. Но надо не спускать с медиума глаз: иначе он незаметно для себя подпадает под прямо противоположное влияние, как другие люди попадают под автомобиль, и начинает поносить своего идола с той же беззаветной восторженностью,

с какой только что перевозносил. Я никогда не брал Бухарина слишком всерьез и предоставлял его самому себе, а это значит – другим”.

Конечно, Троцкий в пылу полемики преувеличивал. Но в основных своих моментах эта оценка Бухарина и его воззрений справедлива, а быть ценнейшим и главным теоретиком партии при такой податливости чужим идеями просто немислимо. В годы революции и гражданской войны Бухарин как теоретик левого коммунизма развивался под явным влиянием Троцкого, вот что сам Троцкий писал об этом: “Со времени совместной работы в Нью-Йорке начинается все возрастающая привязанность Бухарина ко мне, которая, все повышаясь, перешла в 1923 г. в свою противоположность”. И действительно, в годы нэпа Бухарин попадает под идейное влияние людей из своего делового окружения и некоторых профессиональных экономистов. В первую очередь речь, конечно же, идёт о таких знаковых фигурах, как Чаянов, Кондратьев и некоторых других адептах рыночного социализма и сторонниках естественной, т.е. небольшевистской, эволюции постреволюционной России в сторону её сближения с западными демократическими режимами. Понятно, что подпав под влияние таких грамотных, искушённых учёных и политических деятелей с эсеровским и меньшевистским стержнем, Бухарин забывает свои левые увлечения и правееет. Но какое отношение его взгляды теперь имели к правому большевизму — вопрос остаётся открытым.

Совершенно иную картину, чем в случае с Бухариным, мы видим, когда переходим к Л.Б. Каменеву. Его взгляды развивались под сильным влиянием Ленина, но всегда имели самостоятельный характер. Эта самостоятельность нередко уводила Каменева вправо, но никогда не отрывала от классического марксизма. Пожалуй, Каменев подчас выступал даже большим ортодоксом, нежели сам Ленин. Именно это сближало Каменева с меньшевизмом, именно это смещало его на правый фланг большевистской партии. А поскольку Каменев являлся одним из старейших членов РСДРП (б) и занимал в ней важные посты, он получал прекрасную возможность влиять на многие процессы, протекавшие в партии. В силу особой комбинации всех перечисленных выше факторов, Каменев со временем и становится фигурой, олицетворявшей правое крыло большевизма, а так же, в некотором смысле, цементирующей его как особое внутрипартийное течение. Сразу возникает вопрос, если Каменев был таким последовательным правым большевиком, то каким образом в годы НЭПа он оказался в рядах левой оппозиции? Рискну дать на этот вопрос несколько парадоксальный ответ. Во-первых, фракционная принадлежность Каменева предопределялась блоковыми интересами. Во-вторых, это не Каменев с течением времени так полевел, это сама большевистская партия в годы НЭПа сместилась настолько вправо, что человек, остававшийся примерно на одних и тех же позициях неожиданно для себя вдруг оказался на левом фланге... Но обо всём по порядку!

* * *

Путь Каменева в революцию был довольно обычным для многих юношей его поколения. Он родился 6 июля 1883 года в семье железнодорожного машиниста, который с течением времени сумел выслужиться до инженера. Семья жила не слишком богато, поэтому Каменев вполне мог с самого детства ощущать несправедливость окружавшей его несправедливости. С другой стороны отец Каменева мог материально поддерживать своего сына, и у того оставалось время для занятий революционной деятельностью. Свою учёбу Каменев начал в Тифлистской гимназии, которую он заканчивает в 1901 году. Перебравшись в Москву для учёбы в Московском университете, он в марте 1902 г. был впервые арестован за участие в студенческих беспорядках. Вскоре ему удаётся перебраться в Париж, где он примкнул к искровцам. Здесь состоялось знакомство Каменева с Лениным, перевернувшее всю его жизнь. Возвратившись в Россию, Каменев становится одним из практических руководителей местным большевистским подпольем, работает на партию в Тифлисе, Москве, Петербурге, где в 1908 году был вновь арестован.

Освободившись через несколько месяцев из заключения, Каменев на некоторое время оказывается за границей, где продолжает активную партийную деятельность. Принимал участие в различных социалистических конгрессах, публиковал свои книги и статьи, летом 1911 года прочёл цикл лекций в знаменитой школе в Лонжюмо под Парижем. Здесь он приобрёл немало важных политических контактов, которые позже пригодятся ему после возвращения в Россию. В 1913 году в Кракове происходит очередная судьбоносная для Каменева встреча с Лениным, после которой он был направлен в Петроград для руководства большевистской фракцией в IV Государственной Думе, а так же газетой "Правда". Здесь, в Петрограде, Каменева застало начало Первой мировой войны. Большевики единственные из всех социалистов, представленных в Думе, выступили с последовательных интернационалистских позиций и не поддержали военных усилий своего правительства. С пораженческих позиций в этот период выступал и Каменев.

Нежелание большевиков поддерживать милитаристские устремления правительства и русской буржуазии привело к тому, что их партия была обвинена в предательстве. Властями на большевиков начинается настоящая охота, в то время как остальные социалистические партии почти не испытывали проблем в агитационной и организационной деятельности — таково было вознаграждение им со стороны царизма за переход на оборонческие, национал-шовинистические позиции. В ноябре 1914 года Каменев, вместе с другими видными большевиками, в том числе депутатами Государственной Думы, на депутатскую неприкосновенность которых романовский режим просто закрыл глаза, оказался в руках жандармов. Над ними решили устроить показательный политический судебный процесс, где Каменева выставили главным

обвиняемым. Однако Каменев — и это важно — в отличие от своих товарищей, заявил о своём несогласии с ленинским лозунгом о поражении своего правительства в империалистической войне. Это Каменеву не помогло, в феврале 1915 года он вместе со своими товарищами был приговорён к ссылке в Восточную Сибирь. Именно в период этой ссылки происходит наибольшее сближение Каменева со Сталиным.

* * *

1917 год, как и для всех старых большевиков, вне зависимости от их взглядов, стал для Каменева звёздным в его революционной биографии. О других лидерах большевистской партии есть целые книги, посвящённые их деятели в год революции, например о Сталине такую книгу написал американский советолог Слассер. Книга выдержана в сугубо критическом духе, но о Каменеве нет даже таких, критических книг. Не так много и обобщающих биографических материалов, таких как о Ленине, Троцком, Бухарине и многих других. Невольно может сложиться впечатление, будто бы в революции 1917 года Каменев не играл почти никакой роли вплоть до известного отступничества в октябре! Понятно, что в нашем небольшом по объёму эссе мы не сможем закрыть все имеющиеся в судьбе Каменева белые пятна и воссоздать целостную картину его деятельности в период революции. Но в наших силах обозначить некоторые моменты его революционной биографии, которые не только высвечивают фигуру самого Каменева, но и многое объясняют в природе правого большевизма.

Первый штрих к политическому портрету Каменева как участника революции 1917 года мы находим в первые же дни после свержения самодержавия. В 1930-е гг. о нём сообщали предельно кратко, — дескать, находясь в Ачинске, Каменев отправил приветственное письмо брату свергнутого царя Николая II Михаилу Романову. Из этого сообщения в советских энциклопедиях можно было сделать вывод, что Каменев настолько погряз в оппортунизме, что скатился к монархизму, потеряв остатки своей былой революционной совести, что Каменев заискивал перед наследником российской короны, когда вся Россия рвалась к свободе и даже члены императорской фамилии и бывшие жандармы дефилировали по улицам революционного Петрограда с красными бантами в петлицах. Дело, однако, обстояло несколько иначе. Февральская революция всколыхнула в России самые разные политические силы. Казалось, что наступила грядущая эпоха свободы, равенства, братства. Ссылённые из разных удалённых мест стремились в крупные города, столицу. Заключались самые немыслимые блоки. Особенно ликование усилилось, когда стало известно об отречении не только Николая Кровавого, но и его младшего брата (точнее Михаил отказался принять корону, отложив решение вопроса о власти до Учредительного собрания). По свидетельству современников, это двойное отречение было воспринято как крушение монархии и установление в стране республиканского строя. На волне общей эйфории группа бывших политических ссылённых, находившихся в Ачинске, от-

правила послание Михаилу, приветствуя его фактический отказ возглавить монархическую контрреволюцию. Среди подписантов оказался и Каменев. Конечно, этот поступок, выдержанный в духе некой абстрактной парламентской толерантности, совершенно не красит его, но показывает, что уж кем-кем, а монархистом Каменев не был.

Поступок Каменева объясняется тем, что он, как и многие другие участники событий, верили, что основные задачи революция уже выполнила, и теперь наступает период мирного демократического строительства, когда нет места расправам над инакомыслящими. Другим убеждением Каменева было то, что начавшаяся российская революция имела буржуазный характер. Следовательно время пролетарской партии ещё не пришло. Предстоит длительный период капиталистического развития, во время которого у власти будет находиться буржуазия. С такими взглядами 12 марта 1917 г. Каменев прибывает в кипевшую революционными страстями столицу. Здесь его ждал совсем не ласковый приём. Русское бюро ЦК большевиков занимало гораздо более левую позицию, чем прибывающие в столицу из мест ссылки титулованные старые большевики Каменев, Сталин, М.К. Муранов. Бюро ЦК, которое тогда возглавляли старые большевики-подпольщики А.Г. Шляпников, В.М. Молотов и П.А. Залуцкий, осудило бесхребетную позицию Каменева на процессе 1915 г. и потребовало дать за него ответ перед партией. Каменев отказался, сославшись на то, что затронутое дело столь деликатного свойства, что отчитываться он будет только перед Лениным.

Каменеву было решено запретить занимать какие-либо руководящие посты и подписываться под статьями в партийной прессе. Решение русского бюро ЦК мало взволновало Каменева. Опираясь на двух своих тогдашних союзников Сталина и Муранова он легко обходил запреты. Уже 15 марта Муранов, который возглавил “Правду”, ввёл Каменева в число её постоянных сотрудников. И не просто ввёл — об этом сразу же было сообщено на страницах газеты. Для большевиков “Правда” являлась не просто периодическим печатным изданием, а одним из важнейших руководящих органов, пожалуй, не менее важным, нежели само русское Бюро ЦК. Тем самым состоялось возвращение Каменева на вершину партийной власти. Вскоре он начал и советскую карьеру, сделавшись членом Исполнительного комитета Петроградского Совета. Протесты членов Бюро действия не возымели.

Совершенно не обременительным оказался для Каменева и запрет подписываться под своими статьями в “Правде”. Уже 14 марта появляется его знаменитая статья “Временное правительство и революционная социал-демократия”. Статья была, как и должно, опубликована без подписи. Но что это могло изменить и кого обмануть? В публикации чувствовался стиль Каменева и строй его мыслей, так что ошибиться в том, кто же являлся автором публикации было не возможно. Каменев

признавал, что революция была совершенна русским пролетариатом и крестьянством, следовательно в перспективе она должна развиваться в сторону диктатуры пролетариата. Вместе с тем, он полагал, что переход власти в руки либералов не следует воспринимать как историческую случайность. Причиной этого послужила российская реальность того времени. В этой же статье Каменев фактически повторил меньшевистский лозунг поддержки Временного правительства *постольку, поскольку* оно будет продвигать дело революции вперёд. При этом Каменев не доверял буржуазному Временному правительству и требовал создания над ним действенного контроля, чтобы оказывать на него давление в случае проявлений “непоследовательности”. В очередной “анонимной” статье, появившейся уже на следующий день, Каменев фактически поддержит (хотя тоже с некоторыми важными оговорками) меньшевистскую тактику в отношении войны и выступит с позиции революционного оборончества. В теоретическом ключе позиция Каменева довольно чётко отличалась от меньшевистской, но на практике различия эти не столь уж ощутимы.

Взгляды Каменева того времени интересны не только сами по себе: фактически именно Каменев несколько дней с момента своего возвращения из ссылки и до момента прибытия из эмиграции в Россию Ленина возглавлял большевистскую партию. Тем самым его взгляды начали восприниматься как позиция партии, а позиция русского Бюро ЦК как раскольническая линия, способная привести партию к самоизоляции. Эта оценка представляется верной лишь от части. Да, левый курс, который со свойственным им убеждённостью продолжали отстаивать Шляпников, Молотов и Залуцкий непременно привёл бы к самоизоляции, но не от революционного пролетариата, а от тогдашней “политической элиты”, посчитавшей дело революции сделанным, раз им самим удалось решить собственные проблемы и оказаться поближе к кормушке, т.е. власти. А вот линия Каменева способствовала интеграции верхушки большевиков в эту “солидную кампанию”. Во всяком случае самому Каменеву это удалось сделать очень успешно, вот что писал о нём и его работе в Исполнительном комитете Петросовета видный энес, занимавшие крупные военные должности при Временном правительстве, в последствии один из организаторов вооружённой борьбы с Советской властью В.Б. Станкевич: “Главенствующее положение в [Исполнительном] Комитете [Петроградского Совета рабочих депутатов] всё время занимали социал-демократы различных толков... Большевики в Комитете были вначале представлены, главным образом, М.Ю. Козловским и П.И. Стучкой, ... оба желчные, злые и, как нам казалось, тупые. Противоположностью им явился Каменев, отношения которого ко всем были так мягки, что, казалось, он сам стыдился непримиримости своей позиции: в комитете он был, несомненно, не врагом, а только оппозицией”.

Однако интеграция в “элиту” большевикам как партии нового типа, как партии пролетариата не давала ровным счётом ничего, можно сказать жёстче: лишала смысла существования и будущего в качестве самостоятельной политической силы.

Это понимали лидеры большевиков, находившиеся в эмиграции, в первую очередь сам создатель партии Ленин. На этот счёт имеется одно уникальное свидетельство человека, которого самого можно считать легендой Феодосии Драпкиной, большевички с 1902 года. Её слова очень живо передают дух той эпохи, полной сомнений и поисков: “Ждали, — рассказывала она, — что придет Владимир Ильич и призовет к порядку Русское бюро ЦК, а особенно товарища Молотова, занимавшего особенно непримиримую позицию по отношению к Временному правительству. Оказалось, однако, что Молотов-то и был ближе всех к Ильичу”.

Если Сталин и Муранов после возвращения Ленина начинают постепенный дрейф в его сторону, то Каменев оставался непреклонным и продолжал пропагандировать свои более умеренные, нежели ленинские, оценки революции и её возможных перспектив. В отличие от некоторых истерических критиков ленинских апрельских тезисов, Каменев был не только твёрд, но и корректен. В “Правде” появляется несколько каменевских материалов, где он решительно отвергает линию апрельских тезисов как губительную для партии. В “Правде” за 8 апреля появляется новая статья Каменева — впервые за его подписью. Она носила вполне определённое название — “Наши разногласия”. В ней Каменев попытался доказать неприемлемость схемы Ленина “поскольку она исходит из признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую”. Сам Каменев, как мы видели, думал по-другому и высказывал надежду, что в публичной полемике сумеет опрокинуть доводы Ленина, поскольку, по убеждению Каменева, победа ленинской линии превратила бы партию в замкнутую группировку сектантов оторванную от пролетарских масс.

Активно наступал Каменев на ленинские апрельские тезисы и потом, к примеру на апрельской городской конференции большевиков. В своих теоретических положениях Каменев был существенно левее меньшевиков. Он, в частности, признавал, что между двумя органами (Временным правительством и Петросоветом), деятельность которых порождала ситуацию двоевластия, возможен открытый конфликт. Но, как показывают практические шаги и требования Каменева в его выступлении на конференции большевиков, эти гипотетические столкновения он относил на неопределённую перспективу. То же относится и к его содокладу на VII Всероссийской конференции большевиков, так же состоявшейся в апреле несколькими днями позже. В нём он фактически обвинил Ленина в авантюризме и провоцировании масс на неоправданное забегание вперёд в развитии революции. В каменевской критике было немало справедливого, но взятая на вооружение его линия вместо ленинской означала бы действительную, а не мнимую смерть большевиков как революционной партии, поскольку Каменев так и не отказался от своего тезиса, что задачи буржуазно-

демократической революции далеки от выполнения, и переход к революции социалистической невозможен.

В советской историографии взгляды Каменева были объявлены оппортунистическими, а его деятельность признавалась антипартийной. Но, похоже, Каменев, при всех своих заблуждениях выступал не против партии, даже не против лично Ленина, а против левого большевизма как течения русской революции и специфической группировки внутри самой партии. Во всяком случае в некоторых случаях позиция Каменева в 1917 году могла вполне уживаться с ленинской, как это было например, в период июльского кризиса. Когда стало известно о начавшихся в столице волнениях, Каменев, совместно с Г.Е. Зиновьевым, на совместном заседании бюро ВЦИК Советов и бюро Исполкома Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов сразу же заявил, что большевики против и пообещал приложить все возможные усилия для нормализации ситуации в столице. Прибыв в Петроград, Ленин фактически подтвердил занятую Каменевым позицию, хотя и не во всё, поскольку был готов воспользоваться ситуацией для усиления давления на правое крыло советского руководства. Умеренность большевиков и межрайонцев в первых числах июля не помогла им, многие лидеры партии, оказались под арестом, а Ленин и Зиновьев вынуждены были перейти на нелегальное положение. Сам же Каменев не только целый месяц провёл в заключении, но потом ещё был обвинён бывшим жандармским полковником Балабиным в том, что, якобы, до революции сотрудничал с царской охранкой. На какое-то время, пока шло расследование, ему даже пришлось (по собственной инициативе) полностью отказаться от общественной деятельности в тех революционных учреждениях, в которых он состоял.

Впрочем, торжество реакции после июльского кризиса Временного правительства не было долгим. После неудачного мятежа генерала Л.Г. Корнилова ситуация в стране вновь резко изменяется в пользу сторонников социалистического выбора. Это создавало почву для нового сближения позиции Каменева и Ленина. Вскоре после 1 сентября, когда Россия наконец, с огромным опозданием была провозглашена республикой, сразу несколько человек выступили за отказ меньшевиков и правых эсеров от тактики правительственной коалиции с буржуазией и за создание однородной власти, опирающейся на волю революционной демократии, т.е. прежде всего советов и входящих в них партий. В те дни Ленин пишет специальную статью о возможном компромиссе, где излагает основные параметры предстоящего соглашения: правые социалисты отказываются от союза с кадетами, берут власть от имени советов в свои руки, а большевики прекращают свою борьбу в советах с меньшевиками и эсерами. Каменев придерживался очень похожих взглядов на возможный путь развития революции.

Однако, мирным планам Ленина и других большевистских лидеров сбыться было не суждено. Партии умеренных социалистов отказались от разрыва блока с "про-

грессивной” частью буржуазии. Естественно, ни к чему позитивному это привести не смогло, тем более что и без усилий генерала Корнилова, очередное Временное правительство явно тяготело к бонапартистским методам. Установившийся в стране режим личной власти Керенского загнивал прямо таки на глазах. Страну поразил страшный экономический кризис — результат бездарного хозяйствования либералов и умеренных социалистов. Ответом со стороны населения на действия одновременно бессильной и в то же время тяготеющей к репрессиям власти становится обострение протестных настроений. На волне роста революционной активности масс идёт усиление партии большевиков. В этой ситуации пути Каменева и Ленина вновь начинают расходиться.

Принципиальная несовместимость Ленина и установок правого большевизма со всей остротой проявилась уже в середине сентября, когда началась работа созванного меньшевиками и правыми эсерами вместо II съезда Советов т.н. Демократического совещания. Увидев нежелание правых социалистов идти ни на какие компромиссы, Ленин приходит к пониманию неизбежности вооружённого восстания. С такой постановкой Каменев не мог согласиться ни теоретически, ни практически. В плане теории он так и не согласился с тем, что буржуазно-демократическая революция исчерпала все свои резервы. А в плане практики Каменев не желал разрыва в рядах революционной демократии, к которой осенью 1917 года относили преимущественно социалистов. Когда на заседании ЦК РСДРП (б) 15 сентября зачитывались знаменитые ленинские письма “Большевики должны взять власть” и “Марксизм и восстание”, Каменев потребовал отвергнуть содержащийся в них курс на вооружённый захват власти. Каменев полагал, что нужно использовать все козыри оппозиционной силы в Демократическом совещании.

Партийное руководство первоначально не стало отказываться от попыток использовать Демократическое совещание в революционных целях, но в дальнейшем линия по отношению к нему стала более жёсткой. Ужесточенной официальной линии большевиков вылилось в резолюцию от 21 сентября. В этот день Каменев на заседании ЦК выступил с предложением принять участие в деятельности созданного Демократическим совещанием Временного Совета Российской республики — Предпарламента. Однако ЦК отвергло предложение Каменева и постановило в Предпарламенте не участвовать. Однако Каменев со своим поражением не смирился. Он не побоялся нарушить решение ЦК и фактически попытался создать параллельный руководящий центр партии в лице большевистской фракции Предпарламента. На своём заседании фракция одобрила предложение Каменева и проигнорировало решение Центрального комитета. На первый взгляд тактика, за которую ратовал Каменев, дала положительные плоды. Он и Троцкий 22 сентября избираются в Президиум Предпарламента, а большевики получают ещё одну трибуну, с которой можно было обличать бур-

жуазное правительство и пропагандировать необходимость передачи всей полноты власти Советам. Однако потоки слов уже не могли заменить реального действия. Поэтому, несмотря на все протесты Каменева, Центральный комитет вскоре вновь поддержал ленинскую линию и 5 октября принял окончательное решение о выходе большевиков из суррогатного подобия парламента, которым закономерным образом и сделался Временный Совет Российской республики.

Разрыв между Лениным и правыми большевиками во главе с Каменевым увеличивался. Каменев, поддержанный Зиновьевым, голосует против курса на вооружённое восстание 10 октября и продолжает выступать против него на партийных мероприятиях. Совместно с Зиновьевым он решается на отчаянный шаг и пишет письмо рядовым членам партии, пытаясь оторвать партийную массу от Ленина, но поколебать авторитет вождя ему не удалось. Что предлагали в эти дни правые большевики? Прежде всего отказаться от применения силы. Фактически, дальнейший путь революции им представлялся как более или менее мирный переход от буржуазно-демократического этапа революции к просто демократическому. В качестве идеального постреволюционного устройства им виделся тип государства, в котором бы общедемократические институты дополнялись элементами демократии революционной. В обращении Каменева и Зиновьева заявлялось: «Учредительное собрание плюс Советы — вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идём». Получалось, что новый государственный порядок должен был базироваться на сочетании Советов и Учредительного собрания. Каменев и Зиновьев надеялись, что постепенно растущее давление снизу, со стороны Советов и других социалистических организаций, рано или поздно, «социализировало» бы и центральную власть. Благо, что революция находилась ещё в стадии своего подъёма и массы готовы были идти в своих требованиях как угодно далеко. Сами большевики при этом, получив четверть, а то и треть мест в Учредительном собрании, могли бы, как казалось правым большевикам, играть роль действенной оппозиции — роль, которую на протяжении долгого времени играла в современной Российской Федерации КПРФ... Играла без особого успеха, и вряд ли в 1917 году могло бы получиться более успешно.

Вот на таком историческом фоне и произошёл тот самый «октябрьский эпизод», который Ленин считал не случайным и помнил о нём даже на смертном одре. Каменев попытался использовать во внутрипартийной борьбе поддержку извне, прибег к своим очень широким меж- и надпартийным связям. В газете М. Горького «Новая жизнь» 18 октября ими было опубликовано важное заявление. Формально, в нём опровергались слухи о подготовке большевиками восстания. Но фактически опровержение давалось в такой форме, что ни у кого никаких иллюзий в подлинном смысле заявления не оставалось. Ленин обвинил Каменева в предательстве и потребовал его исключения из партии. Однако на заседании ЦК 20 октября большинство его чле-

нов решило ограничиться лишь тем, что была принята отставка Каменева. Вероятно, и на этот раз, как и в марте, удержаться на плаву Каменеву помогли его тесные отношения со Сталиным. Проедет всего несколько лет, и Каменев вернёт свой “долг”, выдвинув кандидатуру Сталина на пост генерального секретаря ЦК РКП (б).

Помимо всего прочего, “октябрьский эпизод” показал не только последовательность взглядов Каменева на политическую ситуацию в революционной России и его немалый вес в партии. Очень скоро, уже 24—24 октября сам Ленин прибегнет к помощи Каменева, когда потребуются провести переговоры о создании правительственной коалиции сперва с левыми эсерами, а затем, под давлением профсоюза железнодорожников, с другими социалистическими партиями. Толерантность и широкие связи Каменева сделали его наиболее приемлемой фигурой на посту Председателя ВЦИК второго состава, каковой он и занял в результате решений II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Однако в начавшихся по инициативе Всероссийского исполнительного комитета профессионального союза железнодорожников (Викжеля) межпартийных переговорах о создании однородного социалистического правительства Каменев продолжал проводить свою, правобольшевистскую, а не ленинскую линию. Он верил, что единство в стане всех социалистических партий гораздо важнее единства внутри самой большевистской партии.

Для того, чтобы единый фронт революционной демократии (который к тому времени уже успел превратиться в опасную фикцию), на устроенных Викжелем переговорах Каменев соглашался пожертвовать Лениным и Троцким и не включать их в состав будущего объединённого социалистического кабинета. Так же Каменев показал, что требования передачи власти Советам для него не более, чем лозунг, а не принцип революционной деятельности, во всяком случае не такой принцип, которым нельзя поступиться ни при каких условиях. Под давлением правых участников переговоров, он, без предварительного одобрения большевистским руководством, согласился на замену Съезда Советов как верховного органа власти на некий смутно представляемый Временный Народный Совет. Помимо представителей ВЦИК второго созыва в него предполагалось включить делегатов от Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, профсоюзов и даже столичных (петроградской и московской) городских дум, что уже полностью перечёркивало идею советвластия. В проведении своей линии Каменев не мог опереться на ЦК большевиков, поскольку в нём прочно господствовал Ленин. В этих условиях Каменев вновь попытался противопоставить партийному руководству большевистскую парламентскую фракцию, на этот раз уже не Предпарламента, а непосредственно ВЦИК.

Тем самым первый кризис Советского правительства, сопровождался не только ультиматумом Викжеля, мятежом юнкеров в северной столице, вооружёнными столкновениями в Москве и карательной экспедицией на Петроград Краснова—

Керенского, но и вполне реальной угрозой размежевания внутри самой большевистской партии, в которой свою особую позицию продолжали отстаивать правые большевики во главе с Каменевым. Ленину удалось решить вставшие на пути развития революции проблемы, в том числе и проблему внутривнутрипартийного единства. Он 4 ноября выдвинул ультиматум правым, потребовал от них безусловного подчинения партийной дисциплине и отказа от капитулянтства на переговорах с эсерами и меньшевиками. В те же дни были оперативно подавлены и вооружённые выступления против молодой советской власти.

Анализ сложившейся на рубеже октября—ноября 1917 года ситуации показывает, что без решительной нейтрализации Лениным усилий правого течения внутри большевистской партии победа социалистической революции была немислима. В знак протеста против действий Ленина, Каменев заявили о выходе из ЦК, в которое он, видимо, был временно возвращён или, вопреки принятому ранее решению, вообще не удалялся. Вслед за Каменевым, о своём выходе из Центрального комитета заявило ещё четверо правых. Каменев и его сподвижники обвиняли ленинское большинство руководства партии в том, что оно сознательно срывает попытки создать коалиционную власть и стремится установить чисто большевистскую диктатуру, “каких бы жертв рабочим и солдатам это ни стоило”. Под напором ленинской аргументации правые отступили в тень. На этом в советских и современных учебниках, а так же в преобладающем числе исторических трудов в истории правого большевизма как бы ставится многоточие, которое растягивается чуть ли не до периода нэпа, когда во главе правого течения в партии стояли уже совсем другие люди. Но такая картина, может быть в чём-то даже стройная, в корне противоречит действительности.

Поражение правых в начале ноября в битве за формирование правительства, действительно, оказалось для них весьма чувствительным. Помимо своего положения в партии, некоторые правые лишились так же своих министерских постов, а сам Каменев, по решению ЦК РСДРП (б) от 8 ноября был отстранён от поста председателя ВЦИК. Однако это поражение не было окончательным. И уже вскоре после завершения первого кризиса Советского правительства правые попытались взять реванш, проявив немалую изобретательность и настойчивость в достижении поставленной цели. В частности не менее острая, чем по вопросу о вооружённом восстании, борьба развернулась по вопросу о формировании новых хозяйственных органов Советской Республики, а так же вокруг мероприятий по подготовке Учредительного собрания. И надо подчеркнуть, что и в первом, и во втором случае победа ленинской линии была вовсе не предрешена. Поэтому попытаемся хотя бы вкратце суммировать основные события той “неизвестной” борьбы за власть, которая велась в большевистских верхах в ноябре 1917 — январе 1918 года.

* * *

Первый её эпизод разыгрался в период создания Высшего совета народного хозяйства. Эти события в общих чертах проанализированы современным историком А.Л. Филоненко, хотя в его работе, к сожалению, нет широких политических обобщений. Историк совершенно верно подметил тот далеко не случайный факт, что в руководстве ВСНХ в короткий срок концентрируется целая плеяда партийных деятелей, которых вполне можно считать наиболее яркими фигурами правого большевизма той поры: В.П. Милютин, Ю. Ларин, А.М. Рыков, В.П. Ногин, и др., многие из которых покинули Совнарком в ходе первого кризиса советского кабинета. Филоненко верно признаёт, что они пытались через ВСНХ реализовать свои представления об управлении государством в условиях победы революции.

Основное положение их плана, по мнению исследователя, сводилась к преобладанию в Советской республике не политики, а экономики. Отсюда, по его мнению, следовал вывод, что ВСНХ должен стать органом экономической диктатуры пролетариата, тогда как СНК оставался бы органом лишь диктатуры политической. И тот и другой орган должны были формировать независимо друг от друга *парламентом*, т.е. ВЦИКом, у руля которого в первые после II съезда Советов дни, как мы помним, стоял Каменев, который и подбирал на первых порах его аппарат. Как показывает Филоненко, хотя Ленину и тут удалось отбить запоздавшую атаку правых большевиков (было решено создать ВСНХ при Совнаркоме, а не в качестве самостоятельного “экономического правительства”), борьба за привилегированное положение ВСНХ в системе прочих советских учреждений, попытки подчинить исключительно ему все экономические наркоматы растянулась на долгие месяцы.

Следует отметить, что борьба за усиление ВСНХ велась правыми большевиками отнюдь не только вследствие их особых доктринальных установок. Речь идёт о банальной борьбе за власть, которую правые вновь готовы были вести с привлечением “союзных” им сил, действовавших вне большевистской партии. Филоненко, в частности пишет о взаимодействии некоторых из перечисленных выше деятелей с кооперацией. Историк обращает внимание на то, что эти связи использовались в целях усиления собственного веса в советском аппарате. На связь некоторых правых большевиков с кооперацией следует обратить особое внимание. Дело в том, что, как показывает московский историк А.В. Лубков, кооперация в тот период нередко выполняла роль межпартийного центра, в рамках которой шёл активный поиск компромисса в целях послереволюционного переустройства. В результате в аппарате ВСНХ оказалось немало умеренных социалистов эсеро-меньшевистского толка. Тем самым некоторые официальные большевистские руководители ВСНХ “в миниатюре” осуществляли на практике тот компромисс, который не удалось достичь в период борьбы за коалиционное социалистическое министерство. Их централистские устремления

не были случайностью, а вытекали из общей линии на “стабилизацию революции”, но стабилизация за счёт ощутимого крена в правую сторону.

Второй этап противоборства в большевистских верхах был связан с окончательным решением вопроса о характере произошедшей революции: оставалась ли она и после Октября 1917 года лишь буржуазно-демократической, или она всё же стала теперь носить новые, пролетарские, т.е. социалистические черты? Как уже было отмечено, этот вопрос решался в связи с постановкой проблемы о судьбах в России парламентаризма и, в частности, Всероссийского Учредительного собрания. Сегодня часто пишут (мне приходилось сталкиваться с этим на примере послеоктябрьского рабочего движения), что большевики навязали обществу (в частности рабочим) негативную оценку Учредительного собрания, в результате это облегчило им его разгон в январе 1918 года. Увы, эта оценка очередной пример вольного или невольного упрощения сложнейших исторических явлений. В данной связи нас должно интересовать, что у самих большевиков не было единства по отношению к самопровозглашенному “Хозяину земли русской” — Учредилке.

Наши историки, ни советские, ни современные российские эту проблему различий в оценках большевиков фактически не изучали. А ведь эти противоречия носили не только теоретический, но и сугубо прикладной характер. Более того, в самой большевистской партии на этапе подготовки Учредительного собрания вновь складывается своеобразное двоевластие, когда противоборствующими центрами власти являлись ЦК во главе с Лениным и комфракция Учредительного собрания во главе с ... Конечно же — Каменевым! О том, насколько острым могло стать наметившееся противостояние сегодня мы можем судить благодаря великолепной монографии американского историка с российскими корнями Алекса Рабиновича. Речь идёт о его новой, вышедшей совсем недавно, в 2007 году книге «Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде».

В своём исследовании Рабинович подчёркивает, что установление контроля над собственной многочисленной делегацией Учредительного собрания для большевистского руководства представляло задачу повышенной важности. Это было связано с глубочайшими теоретическими и практическими разногласиями между Лениным и правыми большевиками во главе с Каменевым фактически по всем ключевым вопросам будущего революции. Поражение в борьбе за создание широкой социалистической коалиции в правительстве лишь мобилизовало правых на решительный отпор ленинскому ЦК. После поражения правые большевики добровольно или вынужденно лишились своих видных постов, и они стремились вернуть свои утерянные позиции, тем более что они ничуть не разуверились в своей правоте. Наоборот, усугублявшиеся и после Октября экономический, социальный и продовольственный кризисы убеждали их в собственной правоте и необходимости смены курса, проводимого большевистской партией на более умеренный. Правые были убеждены, что Ленин и

Троцкий ведут партию к развалу, а страну и революцию к гибели. Как и все прочие оппозиционные Ленину силы, правые большевики свои последние надежды связывали с Учредительным собранием. Этот орган они по-прежнему рассматривали как высшую инстанцию, даже в сравнении с Советами, которая одна только и может решать вопросы о том, куда двигаться России после потрясшей её революции.

Когда в конце ноября вопрос об Учредительном собрании становится ключевым вопросом всей революции, Каменев, Рыков, Милютин и Ногин направили в Центральный Комитет обращение, которое вошло в историю как «Письмо 4-х». в нём они попросили восстановить их на прежних постах. Рабинович отмечает, что ни сам этот документ, ни письменный ответ на него Ленина до сих пор не рассекречены. Однако известен протокол ЦК от 29 ноября, из которого следует, что попытка правых вернуться в руководство партии для продолжение борьбы за Учредительное собрание вызвало лишь отторжение и негодование. Но и не встретив понимания наверху, четвёрка всё ещё располагала козырями. Как объясняет Рабинович, это объясняется прежде всего тем, что практически все ведущие представители правых большевиков были избраны делегатами Учредительного собрания.

Повторялась та же история, что и с эсеровской партией, в которой правые, располагавшие административным ресурсом, пополняли партийные избирательные списки прежде всего своими сторонниками, отодвигая левых на вторые роли. Конечно, в большевистской партии эта ситуация повторялась не в таком гипертрофированном виде, но и у большевиков избирательные списки формировались в конце сентября, когда влияние правых в партии было на пике. Имелась немалая вероятность, что правые смогут повторить свой успех на Демократическом совещании, когда большинство делегатов-большевиков шло за ними против ленинцев и Троцкого. Надежды правых начали сбываться — на первом же организационном собрании большевистских делегатов Учредительного собрания, которое проходило в Таврическом дворце в начале декабря они получили большинство на выборах во временное бюро фракции. В нём оказались большинство тех, кто в начале ноября покинул высшие партийные и государственные должности — Каменев, Ногин, Рыков, Милютин, Рязанов, Ларин.

Под руководством правого бюро большевистская фракция проводила собственную политику в отношении Учредительного собрания, серьёзно диссонирующую с той, которой придерживался ленинский Совнарком. Эта политика была основана на восприятии Учредительного собрания как высшей властной инстанции в революционной стране. Так, большевистская фракция Учредительного собрания проигнорировала принятое по инициативе Ленина 29 ноября решение ЦК о нецелесообразности преждевременного вызова в Петроград всех депутатов-большевиков, и поручила своему бюро обеспечить их немедленную явку в столицу. Кроме того, бюро больше-

вистской фракции всерьёз занялось разработкой законопроектов для их представления на Учредительном собрании. Понятное дело, что при таком подходе ни о каком его роспуске не могло быть и речи. Чтобы нейтрализовать “ленинских экстремистов” из ЦК, фракция так же высказалась за немедленный созыв партийного съезда или конференции, где центральным вопросом должно была стать выработка общепартийной линии по отношению к Учредительному собранию. А пока, до принятия предстоящим съездом или конференцией соответствующих решений, делегаты-большевики высказались категорически против попыток Совнаркома оседлать процесс созыва Учредительного собрания.

Это были уже не просто теоретические расхождения, это была деятельность, противоречащая принципам внутреннего устройства большевистской партии. Реакция Ленина не заставила себя ждать. 11 декабря он провёл на заседании ЦК решение о необходимости избрания нового бюро комфракции Учредительного собрания. Кроме того Ленин предлагал делегатам-большевикам принять свои “Тезисы”, в которых он резко отвергал все попытки поставить Учредительное собрание выше Советов и превратить его в некий революционный фетиш. Требование прежнего бюро фракции о созыве съезда или конференции ЦК даже не пожелал обсуждать. В тот же день Каменев, Рыков, Рязанов, Ларин и Милютин были выведены из состава большевистской фракции ВЦИК. А на дугой день, 12 декабря состоялось заседание большевистской фракции Учредительного собрания. Причём проходило оно не в Таврическом дворце, как это было заведено, а в Смольном, чтобы в нём могли принять участия все члены большевистского ЦК и другие нужные Ленину ораторы. Ленин сам представлял свои тезисы и они были одобрены. Вместо Каменева председателем фракции был избран Шляпников. Сам же Каменев некоторое время спустя в начале января 1918 г., от греха подальше был выслан из России, точнее во главе советской дипломатической делегации отбыл за границу.

В отсутствии Каменева правые в комфракции Учредительного собрания были ослаблены, но сопротивления не прекратили. В день открытия Учредительного собрания прошло ещё одно совещание фракции, на котором присутствовал Ленин. В отсутствии Каменева, ему противостояли такие опытные противники, как Рязанов и Лозовский. В советской литературе даётся искажённое представление об этом заседании, которое изображается как скоротечное и абсолютно гладкое. На самом деле, убедительно доказывает Рабинович, собрание было непростым, а из-за того, что оно никак не могло завершиться, откладывалось начало Учредительного собрания. Обсуждалась роль Учредительного собрания в революции и тактика по отношению к нему. Если верить воспоминаниям Ф.Ф. Раскольникова, многие большевики не готовы были признать полную контрреволюционность Учредительного собрания и рассчитывали на его долгую и плодотворную работу, но их позиция ничего уже изменить не могла. Правые большевики потерпели поражение и на этот раз.

* * *

Какие же основные положения подходы Каменева мы можем выделить с тем, чтобы более точно представить природу и основные принципы правого большевизма? Прежде всего, в отличие от Ленина, каменевский марксизм был гораздо более ортодоксален, нежели ленинский. Каменев гораздо более свято чтит букву позднего марксизма, который оставил в наследство европейской социал-демократии Ф. Энгельс. Ленин, при необходимости, мог решительно отказываться от тех догм, которые мешали продвижению вперёд. Каменев, наоборот, готов был, как и меньшевики, топтаться на месте, лишь бы соблюсти "чистоту веры". Отсюда, между прочим, и уверенность Каменева в том, что в России возможна лишь буржуазно-демократическая революция, а социалистическая революции — немыслима. Раз сказано, что социалистическая революция может произойти лишь в передовых странах, раз сказано, что социализм может быть исключительно пролетарским, следовательно в такой крестьянской стране, как Россия придётся ждать созревания условий пролетарской (социалистической) революции, а пока довольствоваться борьбой за более полное развитие буржуазных демократических институтов.

Отношение к формальной демократии — ещё одна отличительная черта Каменева как лидера правых большевиков. Для Каменева демократия была не средством, но целью революции. Если можно было добиться расширения пролетарской демократии — это великолепно, но если нельзя, то и расширение буржуазной демократии для пролетариата тоже неплохо. Соответственно Каменев, приветствуя саму революцию, морщился от революционного насилия. Трудно представить себе Каменева, идеализирующего, подобно левым коммунистам, роль революционного террора. Невозможно представить, что Каменев мог бы написать нечто похожее на знаменитую бухаринскую фразу о том, что принуждение, как форма насилия, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является основным методом формирования коммунистического человечества, оставшегося в наследство от прежней эпохи. Ленин тоже не идеализировал насилие, но эту фразу Бухарина он выделил и на полях написал "именно!". Представляется, что в правом большевизме дело обстояло наоборот: выработка коммунистического человечества являлось "основным методом" преодоления всех форм угнетения и принуждения "начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью".

Наконец, можно увидеть серьёзные расхождения в понимании Каменевым и Лениным природы и организационных принципов большевизма. Для Ленина, как известно, большевистская партия являлась партией нового типа. "Нового" по отношению к чему? Возникновение в России политических партий было следствием процессов, которые сопровождали переход России от традиционного общества к современному индустриальному обществу. Поэтому российские политические партии объеди-

няли в себе не просто наиболее социально мобильные слои российского общества, а те слои, которые претендовали стать новой политической элитой на новой ступени развития общества и государства. Внутри себя эта растущая “элита будущего” вырабатывала особые, как правило неписанные, правила, по которым необходимо было “играть” всем, кто желал в неё вписаться. По-сути, радикальная интеллигенция противопоставляла себя царизму, но, при этом, отделяла себя от большинства народа, для которого её внутренние правила были просто не понятны. В условиях февральского режима это имело свои вполне предсказуемые последствия — быстро обострявшееся противоречие между всё более инертной новой политической элитой и всё более социально активными низами.

Ленин категорически отбросил все эти правила, которые тормозили развитие революции и подавляли свободу революционного творчества масс. Ленин предпочёл опереться на представления народа о справедливом обществе, а не на внутренние договорённости о том, как следует после свержения самодержавия переустраивать Россию, существовавшие в узком кругу революционеров и реформаторов. Каменев на такой шаг был неспособен. Корпоративные связи и правила были для него важнее, чем самостоятельные действия низов по своему освобождению.

Возникает ещё один вопрос: если правый большевизм был настолько несхож с большевизмом ленинским, почему Ленин не шёл на открытый разрыв с Каменевым? Представляется, что ответ на этот вопрос самоочевиден. Представляется, что Ленин, как создатель большевистской партии, прекрасно понимал неоднородность большевизма как течения социалистической мысли. Этот известного рода недостаток он попытался, на сколько это было вообще возможно, обратить в преимущество. И действительно. В конечном итоге большевистская партия, во многом благодаря именно своей неоднородности при умелом ленинском руководстве, приобрела удивительную гибкость, стала мощной интегрирующей силой. Факт остаётся фактом. В периоды обострения политической борьбы в большевизме выдвигались его радикальные группировки. Наоборот, когда момент требовал искать компромисс, в партии усиливались умеренные элементы. Так, когда в период Октябрьской революции излишняя осторожность вела к гибели революции, Ленин идёт на самое тесное сотрудничество с такими леваками, как Бухарин. Когда же в период Брест-Литовских мирных переговоров или дискуссии о профсоюзах потребовалось проявить сдержанность, Ленин сумел опереться на таких умеренных большевиков, как Каменев. Позже, в годы военного коммунизма, вновь усилятся радикалы, а при переходе к нэпу — вновь умеренные. Пока большевистским оркестром руководил Ленин, в ней оставалось место для самых разнообразных исполнителей революционных гимнов. Судьба Каменева является ярким подтверждением этого.
